

УДК 821.161.1-312.1+929Соколов

ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ДИАЛОГА В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ»

С. В. Диваков

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

В статье рассмотрено значение диалога в романе Саши Соколова «Школа для дураков». Показано, что диалог выступает в роли жанрообразующего элемента повествования. Проанализированы различные модели диалога, встречающиеся в романе. Выявлена роль диалога для построения жанра романа воспитания, в котором написана «Школа для дураков».

Ключевые слова: *Саша Соколов, жанр, диалог, роман воспитания, автор, герой, композиция*

Одной из важнейших особенностей романа «Школа для дураков» является представление текста в виде постоянного диалога между двумя ипостасями повествователя, страдающего раздвоением личности. Саша Соколов прибегает к диалогу, желая показать столкновение двух мировоззрений, двух систем ценностей. Полемическая основа диалога формирует модель построения текста и является сюжетообразующей формой, т.к. таит в себе главную коллизию – противостояние повествователя своему alter ego. В этом смысле в романе Саши Соколова «один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – minimum жизни, minimum бытия» [1, с. 161].

Хотя исторически диалог восходит к драме, т.е. изначально принадлежит даже другому роду литературы, он часто используется и в системе повествовательных жанров. Жанрообразующая структура диалога известна ещё со времён Платона, чьи философские диалоги фактически оформили его в самостоятельный вид повествования.

Диалог как жанрообразующий элемент повествования не следует путать с художественным приёмом. В качестве художественного приёма диалог чаще всего используется для создания индивидуальной речевой характеристики персонажа, в то время как жанрообразующая структура диалога есть условная модель, способствующая раскрытию идей произведения, форма представления этих идей на суд читателя.

Тут уместно вспомнить также идеи М. М. Бахтина о том, что диалог может выступать в романе «не как средство, а как самоцель. Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть, повторяем, – не только для других, но и для себя самого» [1, с. 160].

В романе, кроме собственного alter ego, у ученика такого-то есть и другие собеседники. В первую очередь это его школьный наставник Павел (Савл) Петрович Норвегов. Фигура Павла Петровича, без сомнения, отсылает нас к образам библейских апостолов Петра и Павла.

Недаром в качестве одного из эпитафов взят отрывок из «Деяний Святых Апостолов» (Деян 13:9–10): «Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?» Как видим, здесь нам дан отрывок диалога, посвящённый теме обретения и удержания истинного пути – тех самых «прямых путей Господних».

В этом ключе развивается и «воспитательный» диалог ученика такого-то с географом Норвеговым. Подобно страстному проповеднику христианской веры Апостолу Павлу, Норвегов обличает ложь, пророчит грозное возмездие за фарисейское отношение к жизни: «Завшивевшее тараканье племя! Безмозглое панургово стадо, обделанное мухами и клопами! Великой правды захочется вам. И тогда приду я. Я приду и приведу с собой убиенных и униженных вами и скажу: вот вам ваша правда и возмездие вам. И от ужаса и печали в лёд обратится ваш рабский гной, текущий у вас в жилах вместо крови. Бойтесь Насылающего Ветер, господа городов и дач, страшитесь бризов и сквозняков, они порождают ураганы и смерчи. Это говорю вам я, географ пятой пригородной зоны, человек, вращающий пустотелый картонный шар. И говоря это, я беру в свидетели вечность – не так ли, мои юные помощники, мои милые современники и коллеги, – не так ли?» [4, с. 26–27].

Особое значение в обретении истинного пути для ученика такого-то имеет диалог с Павлом (Савлом) Петровичем Норвеговым в школьном туалете: «Кое о чём я узнал раньше, ещё до разговора с нашим географом Норвеговым, но после того, как мы встретились с ним однажды в уборной и потолковали обо всём таком начистоту, мне сделалось понятным почти всё» [4, с. 166]. Это и есть «становление героя», ибо Павлом (Савлом) Петровичем было обещано: «Вы с отвращением будете читать наших замызганных и лживых уродцев пера, и то и дело вам будет невмозготу, но зато, пройдя через горнило этого несчастья, вы возмужаете, вы взойдёте над собственным пеплом, как Феникс-птица, вы поймёте – вы всё поймёте» [4, с. 186]. В романе, где героем является сам язык [2, с. 14], сквозь горнила уроков словесности проходит и «воспитывается» не просто ученик такой-то, а ещё и слог повествования.

Кроме того, географ Норвегов являет собой пример истинной любви. Его чувство к Розе Ветровой чисто и бескорыстно. Свои идеи Павел (Савл) Петрович пытается распространить среди учеников школы для дураков, главного своего последователя находя в ученике таком-то.

Символичны в данном случае образы сада и палисадника. Ведь ученику такому-то в упрёк ставится то, что «в саду май, а деревья, по-видимому, совсем не окопаны, а яблочки, небось, кушать нравится, даже

ветрогон Норвегов, – заметят, – и тот с утра в палисаднике копается» [4, с. 10]. Онтологически этот образ восходит к библейскому саду, т.е. раю, и хранителю ключей от райских врат Апостолу Петру. Недаром Павел (Савл) Петрович пророчит ветер, который «разносит семена моего сада по всему свету» [4, с. 26].

К тому же «географ Норвегов построил дачу тоже в районе той станции, только за рекой» [4, с. 21], которая, как известно, является рекой забвения, Летой. Оказывается, что Павел (Савл) Петрович – персонаж из потустороннего мира и появляется лишь для того, чтобы поговорить с учеником таким-то. Иными словами, здесь моделируется диалог человека с небесным заступником, наставляющим на путь истинный и избавляющим от лукавого.

В изображении Павла (Савла) Петровича читается ещё и рыцарь печального образа Дон Кихот: «Врачи, – смеялся Норвегов, – запретили мне подходить к ветряным мельницам ближе, чем на километр, но запретный плод сладок: меня ужасно к ним тянет, они совсем рядом с моим домом, на помынных холмах, и когда-нибудь я не выдержу. В дачном посёлке, где я живу, меня называют ветрогоном и флюгером, но скажите, разве так уж плохо слыть ветрогоном, особенно если ты – географ?» [4, с. 25] При таком преломлении образа можно рассматривать диалог Норвегова с учеником таким-то как диалог Дон Кихота со своим верным оруженосцем Санчо Пансой.

В романе присутствует и диалог автора (который сам при этом становится персонажем книги) с героем. То автор обращается к ученику такому-то, чтобы подтвердить правдоподобие его рассказа: «Дорогой ученик такой-то, я, автор книги, довольно ясно представляю себе тот поезд – товарный и длинный» [4, с. 43]; то сам герой-повествователь обращается непосредственно к автору, что облакает ход повествования в форму частной беседы: «Да, дорогой автор, именно так: придти к нему домой, позвонить звучным велосипедным звонком у дверей – пусть он услышит и откроет» [4, с. 49]. Важно то, что между автором и героем присутствуют доверительные, дружеские отношения. Даже название книги придумывает герой, а не автор.

Тем не менее, автор позволяет себе перебивать повествователя, берёт на себя его функции: «Ученик такой-то, разрешите мне, автору, перебить вас и рассказать, как я представляю себе момент получения вами долгожданного письма из Академии, у меня, как и у вас, неплохая фантазия, я думаю, что смогу. Конечно, рассказывайте, говорит он» [4, с. 234]. Так повествование распадается на несколько голосов, что впоследствии будет ещё более ярко заметно и в других произведениях Саши Соколова.

В диалоге автора и героя раскрывается не только, и даже не столько воспитание героя, сколько «воспитание» автора, его творческая работа и творческое взросление: «По-моему, вы прекрасно рассказали о нашем почтальоне, дорогой автор, и неплохо описали утро получения письма, я ни за что не сумел бы так выпукло, вы очень талантливы, и я рад, что именно вы взяли на себя труд написать обо мне, о всех нас такую интересную повесть,

право, не знаю, кто ещё мог бы сделать это с таким успехом, спасибо. Ученик такой-то, мне чрезвычайно приятна ваша высокая оценка моей скромной работы, знаете, я последнее время немало стараюсь, пишу по несколько часов в день, а в остальные часы – то есть, когда не пишу – размышляю о том, как бы получше написать завтра, как бы написать так, чтобы понравилось всем будущим читателям, и в первую очередь, естественно, вам, героям книги: Савлу Петровичу, Вете Аркадьевне, Аркадию Аркадьевичу, вам, Нимфеям, вашим родителям, Михееву (Медведеву) и даже Перилло» [4, с. 241–242].

«Школа для дураков» – это ещё и «роман воспитания автора», прилежно посещающего уроки жанра. За свои эксперименты автор, как и герой, может быть отправлен к доктору Заузе. Так подчёркивается родство мировосприятия и мировоспроизведения ученика такого-то и сочинителя такого-то, также имевшего, если вспомнить эссе «Тревожная куколка», опыт лечения в психиатрической больнице.

В контексте диалога между автором и героем упоминается, что Павел (Савл) Петрович Норвегов является их общим учителем. При обсуждении вопроса о том, брать или не брать автору псевдоним, учитывается авторитет Павла (Савла) Петровича: «Всё-таки лучше поступить так, как поступил бы в подобном случае он сам, наш учитель: он бы не брал псевдонима» [4, с. 243]. Учитель Норвегов, таким образом, является наставником и в «воспитании» автора. Да и заканчивается «Школа для дураков» тем, что автор и герой, вынужденные прервать повествование из-за отсутствия бумаги, отправляются в магазин, и по дороге ученик такой-то в беседе с автором рассказывает продолжение книги, которое читателю уже не расслышать.

В романе есть и другие, менее явные диалоги. Так, «Школа для дураков» посвящена «слабоумному мальчику Вите Пляскину, моему другу и соседу» [4, с. 5] (заметим в скобках, что под этим посвящением стоит подпись «Автор»). Такое посвящение может быть расценено как предполагаемый диалог автора с конкретным читателем, на которого непосредственно направлено произведение, рассматриваемое в данном случае в качестве высказывания на понятную для этого конкретного читателя тему. Такой приём достаточно распространён в современной литературе. Однако в случае с посвящением «Школы для дураков» важно помнить, что адресат этого посвящения не реален. По признанию самого Саши Соколова, Витя Пляскин — это зашифрованное название психического заболевания (пляски Святого Витта) [3, с. 207–208]. И обращение к Вите Пляскину – сугубо формальный приём, необходимый для создания некоей модели диалога.

Кроме того, являясь частью общелитературного и, шире, общекультурного контекста, «Школа для дураков» диалогически связана с другими произведениями искусства. Однако это не вопрос жанрообразующей структуры диалога, а проблема интертекстуальности, требующая самостоятельного исследования.

Почему же в «Школе для дураков» диалог (в разных своих проявлениях) так важен? Для романа воспитания вообще характерно столкновение

нескольких жизненных позиций, из которых герой в процессе формирования своей личности должен выбрать одну – ту, что наиболее полно и точно отвечает его собственным моральным и эстетическим взглядам. Часто у героя есть наставник – такой, как Павел Петрович Норвегов в «Школе для дураков». Беседуя с разными людьми, с собой самим (в рамках саморефлексии), с миром (если рассматривать жизнь человека как диалог с миром), герой проходит процесс воспитания, становится самим собой. Вспомним, как это у М. М. Бахтина: «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке” как для других, так и для себя самого» [1, с. 160].

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – Киев : NEXТ, 1994. – 512 с.
2. Вайль, П. Уроки школы для дураков [Текст] / П. Вайль, А. Генис // Литературное обозрение. – 1993. – № 1/2. – С. 13–16.
3. «О встречах и невстречах» [интервью Саши Соколова Владимиру Кравченко] : [Текст] // Ясная Поляна – 1997. – № 2. – С. 184–210.
4. Соколов, Саша. Школа для дураков [Текст] / Саша Соколов. – СПб. : Издательский дом «Азбука-классика», 2007. – 256 с.

THE GENREMAKING ROLE OF THE DIALOGUE IN THE SASHA SOKOLOV'S NOVEL “A SCHOOL OF FOOLS”

S. V. Divakov

Tver State University

Department of the philological foundations of publishing and documentation

The article considers the importance of dialogue in the genremaking role of the dialogue in the Sasha Sokolov's novel “A School of Fools”. It is shown that the dialogue serves as a genremaking element of the narrative. Analyzed various models of dialogue occurring in the novel.

Keywords: *Sasha Sokolov, genre, the dialogue, the novel of education, the author, character, composition*

Об авторах:

ДИВАКОВ Сергей Владимирович – старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: divser@mail.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.